

БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ

РОМАНЫ
МАРИИ ВОРОНОВОЙ

**КНИГИ МАРИИ ВОРОНОВОЙ –
РОМАНЫ О БОЛЬШОЙ ЛЮБВИ:**

ПОВОД ДЛЯ ЗНАКОМСТВА

АПЕЛЬСИНОВЫЙ СОК

УЮТНАЯ ДУША

КНИЖНАЯ ДЕВОЧКА

МОЙ БЕДНЫЙ БОГАТЫЙ МУЖЧИНА

ЛЮБОВЬ В РЕЖИМЕ ОЖИДАНИЯ

ЛЕДЯНОЕ СЕРДЦЕ СЕВЕРИНЫ

БЛИЗОРУКАЯ ЛЮБОВЬ

РАНДЕВУ НА ГРАНИЦЕ ДОЖДЯ

КРОТКАЯ ЗАСТУПНИЦА

ПРОПУЩЕННЫЙ ВЫЗОВ

**МАРИЯ
ВОРОНОВА**

—~~~~~ *роман* ~~~~~—

**ПРОПУЩЕННЫЙ
ВЫЗОВ**

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В75

Художественное оформление серии
С. Власова

Воронова, Мария Владимировна.
В75 Пропущенный вызов : роман / Мария Воронова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Большая любовь. Романы М. Вороновой).

ISBN 978-5-699-94949-6

В жизнь Лизы Федоровой пришло счастье. На ее любовь ответили взаимностью — и казалось, что теперь их с доктором Русланом Волчеткиным ждет только радость. Но черная полоса не заставила себя долго ждать — Руслан вдруг попросил оставить его в покое и перестал отвечать на звонки. Скромная девушка поняла, что взяла слишком высокую планку, такой роскошный мужчина не для нее, а потому с головой ушла в расследование странных убийств, совершенных сумасшедшими. Когда потребовалась помощь специалиста, Лизе пришлось обратиться к брату Руслана, психиатру Максиму. Помимо консультации, Макс сообщил, что ее любимый находится на пороге жизни и смерти. Так вот почему он перестал общаться! Какие же они странные, эти мужчины...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94949-6

© Воронова М., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Не оставаясь глухим к добру, я тонко чувствую зло и могу в то же время вполне ужиться с ним — если только мне дозволено будет, — поскольку ведь надо жить в дружбе со всеми теми, с кем приходится делить кров.

Г. Мелвилл, «Моби Дик»

Вечерами, когда я закрываю глаза и готовлюсь заснуть, в голове вдруг вспыхивают быстрые и яркие, как искры угасающего костра, воспоминания.

Откуда они всплывают? Может быть, гибнет клетка мозга, хранящая миг моей жизни, и напоследок дарит его мне, чтобы я снова пережил его на границе сна и яви, навсегда превратив в воспоминание о воспоминании?

То вдруг с необычайной ясностью представлю, как первый раз в жизни ходил сам за хлебом: серый пыльный асфальт, куст анемичной городской сирени, зажатая в руке мелочь и зеленая курточка, которой я очень гордился, то возникнет перед глазами лесная поляна, дети в пионерских галстуках и наш военрук Арон Вениаминович (Макарон Витаминovich соответственно) — огромные лиловые глаза среди морщин. В то лето я получил основательные навыки саперного дела и ясное понимание того, что сапер ошибается один раз в жизни.

И я ошибся.

Искры гаснут, и я начинаю думать, сколько предметов, казалось бы вечных и необходимых, навсегда ушло из нашей жизни. Молочные бутылки с разноцветными крышечками из фольги (серебристые для молока, зеленые для кефира, желтые для ряженки,

кажется), большие двузубые вилки, привязанные в булочных к деревянным стеллажам с хлебом и батонами, сопровождаемые объявлением: «Хлеб руками не трогать, только вилкой».

Что еще? Кассы в автобусах, портативный кассетный магнитофон отечественного производства, страшный, с вечно западающими клавишами и тугой крышкой, всем своим видом говорящий: «Если уж вы хотите слушать музыку, нате, подавитесь, но учтите, мы не будем стараться, чтобы удовлетворить ваши низменные потребности». Парадные бархатные знамена с золотыми кистями и повседневный алый ситчик с лозунгами: «Планы партии — планы народа», «СССР — оплот мира», и завершающим штрихом — белые гипсовые бюсты вождей.

Только перебирая в памяти исчезнувшее и думая, что исчезло все это довольно давно, я понимаю, что сам уже не молод. Когда живешь без надежды, время сливается в унылый серый ком, и не чувствуешь, сколько его прошло — три дня или двадцать лет.

Странная ирония судьбы... Вязкое серое время прошло мимо и будто не тронуло меня. Телом я так же крепок, как двадцать лет назад, но ничего не хочу и никуда не стремлюсь, в то время как другой человек, может быть, полон разных планов и идей и не может их воплотить в жизнь из-за физической немощи.

Бог дает одному — одно, другому — другое, поэтому людям приходится быть стадными животными, чтобы преуспеть.

А я отбился от стаи и бегаю один.

Надежды у меня нет, но есть Надежда, Надя. Она навещает меня раз или два в неделю и входит в дом, опасливо озираясь. Иногда я предлагаю ей

куда-нибудь прогуляться и немножко забавляюсь, наблюдая, как желание борется со страхом. Страх побеждает.

Зачем я ей? Наверное, я единственный обломок, оставшийся после кораблекрушения ее юношеских надежд и мечтаний...

Войдя, она сразу начинает суетиться и хвататься за все подряд, готовить мне обед на несколько дней вперед. Порядок у себя я навожу сам.

Надя — нытик. Моя овощи, рассказывает, что дети отбились от рук, муж лентяй, Вася совсем тяжелый, и «хата уплывет», она ничего не может сделать, всю голову сломала, но решения никак не придумает, а денег на хорошего адвоката нет. «Разве это справедливо?» — спрашивает Надя страстно, а я ухмыляюсь в ответ, пользуясь тем, что она на меня не смотрит. Можно было бы возразить, что она получила за свои труды прекрасную дачу, или, как вариант, что справедливости вообще не существует, но я предпочитаю молчать, не провоцировать бедняжку на новый виток жалобных излияний.

Обреченно смотрю на ее тощую фигурку и думаю, что она и сутулится так, словно каждую секунду ждет от судьбы хорошего тычка, на смазливое, но кислое личико и, подойдя сзади, обнимаю ее.

Не потому, что страсть внезапно охватывает меня, просто если дело должно быть сделано, нечего с ним тянуть.

Вернувшись от начальника, Лиза сразу схватила телефон. Ни одного пропущенного звонка! На сердце стало так тяжело, что она чуть не заплакала.

Уже три дня Руслан не дает о себе знать. Ни звонка, ни СМС, ни сообщения «ВКонтакте», на худой конец!

Лиза села за стол и, обхватив голову руками и зажмурясь, стала вспоминать их последнюю встречу, стараясь не поддаваться эмоциям, а на холодную голову понять, что она могла сказать и сделать, из-за чего возлюбленный теперь не хочет с ней общаться.

Одно Лиза могла сказать точно: она не навязывалась Руслану, наоборот, всячески подчеркивала, что он ничем ей не обязан, и после того, как вывела из под удара его брата Макса, она не ждет ничего, даже приятельские отношения ей не нужны.

Но Руслан дал совершенно ясно понять, что она нравится ему, и пригласил на свидание. Им сразу стало как-то очень хорошо и спокойно вместе. Может быть, не было страсти, того единства, чувства «двух половинок одного целого», как с Гришей, но Лиза все равно чувствовала себя счастливой, и ей казалось, что Руслан тоже счастлив. Видимо, она забыла золотое правило не судить о людях по себе.

Собственный опыт «отношений» был у Лизы очень скудным. Любовь Гриши, трагически окончившаяся его смертью, потом блеклая скучная связь с женатым человеком, вот и все. Но общаясь с подругами, находящимися «в поисках счастья», Лиза представляла, что их чувства в процессе романа больше всего похожи на ощущения рыбака, удящего особо хитрую, умную и сильную рыбу, и, собственно, состояние женской души в этот период жизни лучше всего передает не сентиментальная литература, а повесть Хемингуэя «Старик и море».

А Лиза, вместо того чтобы полностью сосредоточиться, позволила себе быть самой собой, за что, наверное, и поплатилась!

Взрослая женщина, почему она подумала, что нравится Руслану такая, как есть, что ему с ней

интересно, весело и хорошо? Почему решила, что он, красивый мужчина, не обратил внимания на ее лишние килограммы и, ощущая под рукой далеко не самую упругую попу, подумал: «Зато человек хороший»?

Оба они жили с родителями, поэтому с тем, чтобы быть вместе, возникли трудности чисто организационного плана, и две недели пришлось посвятить детским поцелуям в укромных уголках Таврического сада. Руслан отпускал ее, как шальной, говорил, что она возвращает его в юношескую пору дикого любовного томления, и они снова начинали целоваться, остро чувствуя, что жизнь это не молодость и старость, а всего лишь то, что происходит прямо сейчас.

Потом Руслан снял домик возле залива, и они провели там прекрасные выходные в нежных красках наступающего питерского лета.

Лиза сидела на берегу, смотрела на розовое закатное солнце на небе такой эмалевой голубизны, что оно казалось ненастоящим, на тихую воду, такую же голубую, как небо, вдыхала запах белой сирени и думала, что эта красота должна быть мимолетной, и то, что у них только что было с Русланом, наверное, такое же сказочное, как этот вечер. Она подумала тогда, что нужно просто сохранить все это в памяти и не ждать ничего больше, но Руслан вышел к ней с кружкой кофе, сел рядом, так что скрипнула старая скамейка, и обнял ее, словно они уже много лет вместе.

Очень буднично он сказал, что в следующее воскресенье дежурит, поэтому придется остаться в городе, а потом можно будет сгонять на дачу, если Лизу не пугает скучный деревенский быт.

И Лиза позволила себе поверить в общее будущее, в дачу, во что-то еще...

Почему она решила, что в тот вечер счастливы были они оба?

Но зачем тогда Руслан просил ее прийти к нему на дежурство? «Принеси чего-нибудь, а то всем жены носят, а я как бирюк какой-то», — засмеялся он, и Лиза подхватила печь свои фирменные печенюшки и накрутила голубцов, про которые знала: раз попробовав, любой человек душу продаст, чтобы снова ощутить их восхитительный вкус.

Он познакомил ее с коллегами, которых Лиза от страха и смущения не запомнила ни в лицо, ни по имени, только приятную женщину средних лет, попа которой, как с удовольствием отметила Лиза, оказалась значительно обширнее, чем ее собственная.

Но в любом случае, Лиза только представлялась и улыбалась, и не сделала ничего, за что на нее можно было бы обидеться.

Может быть, его испугали голубцы? Но Руслан сам просил еды, и Лиза специально принесла столько, чтобы это не выглядело как презентация ее кулинарного мастерства.

Вероятно, все гораздо проще, и не нужно анализировать ни собственные промахи, ни чувства Руслана. Она слишком толстая и некрасивая для такого мужчины, вот и все. Молодые интересные профессора увлекаются юными стройными девами с сияющими лицами и упругими телами без малейших следов целлюлита, и мимолетный интерес пополам с благодарностью не заставил Руслана спуститься на тот

уровень, где обитают одинокие толстухи с серыми от разочарований душами.

Вот и все.

Лиза знала, что теперь принцип не звонить парню первой не является таким же незыблемым, как в былые времена, но она всосала его с молоком матери и не могла переступить.

Хотел бы — позвонил! — противопоставить этому аргументу было нечего, и, подержав телефон в руках, Лиза вдруг отбросила его, словно он внезапно нагрелся.

Она потянула к себе какое-то дело и стала листать, не понимая ни слова, как вдруг дверь кабинета приоткрылась и показалась голова Зиганшина, начальника криминальной полиции. «Зайди ко мне», — бросил он и сразу исчез.

Лиза встала, одернула мундир и послушно отправилась в кабинет Мстислава Юрьевича, думая о том, что совсем не обязана это делать, ибо начкрим не является ее непосредственным руководителем. Но она с большим пиететом относилась к любому начальству. Странно, Лиза никогда не выслуживалась, не лебезила и не угодничала, но демонстрировала чудеса исполнительности. «Его назначили, а меня не назначили, значит, он лучше и умнее меня», — думала она и робела не только перед Зиганшиным, которого боялись все, даже начальник отдела, но перед абсолютно любой шишкой.

Начкрим занимал просторный кабинет, оборудованный не только для работы, но и для совещаний, но поскольку целыми днями пропадал в городе, обделывая важные дела и сомнительные делишки, кабинет имел неуютный, необжитой вид, и личность владельца никак в нем не отразилась.

— Садись, — Зиганшин указал ей место за приставным столом, а сам принялся расхаживать по кабинету, заложив руки за спину.

Лиза покосилась на него. Высокий, крепко сбитый мужик лет тридцати с небольшим. Наверное, ее ровесник, может, чуть постарше. Лицо обветренное, но, если присмотреться, можно понять, что оно классически красивое, как на статуях римских императоров, которые она видела в Москве, в Пушкинском музее. И глаза такие же холодные и пустые, как у тех статуй.

— Лиза, я смотрю, ты по-человечески не понимаешь, — сказал Зиганшин с мягкостью в голосе, и Лиза подобралась, зная, чем потом оборачивается такое доброе начало.

— Раз по-человечески не понимаешь, — повторил Зиганшин, расхаживая у нее за спиной, — попробую объяснить тебе по-хорошему. Какого черта ты возбуждаешь дела, когда мои ребята отказали?

Лиза вздохнула. В обычном своем состоянии она стала бы оправдываться, объясняться, но теперь вдруг поняла, что, раз Руслана больше не будет в ее жизни, бояться не нужно никого и ничего, а тем более подлых и нечистых на руку ментов.

— Позвольте вам напомнить, Мстислав Юрьевич, что следователь — лицо процессуально самостоятельное. Если вижу состав — возбуждаю, нет — нет. А мысли ваших оперов для меня не аргумент.

— Вот как? — спросил Зиганшин так же мягко и сел напротив нее. Сложив перед собой руки в замок, он, глядя ей в глаза, выдержал поистине мхатовскую паузу, но Лиза в своей жизни провела слишком много допросов, чтобы ее можно было поймать на такие дешевые приемчики.

— У вас ко мне все?

— Нет, уважаемая Елизавета Алексеевна. Я хочу вас убедить в своей правоте. Есть в моем распоряжении рычаги, чтобы заставить вас делать так, как нужно, но я все же надеюсь, что вы согласитесь со мной и будете действовать не по принуждению, а из убеждений.

— Смахивает на вербовку, не находите?

Никто никогда не видел улыбки Зиганшина, но сейчас Лиза могла бы поклясться — что-то похожее на нее скользнуло по его губам.

— Послушай, Лиза, ты давно работаешь, а все как первый день! Ты где живешь-то вообще? В хрустальном замке в стране фей? Будто не знаешь нашего гражданина.

— При чем тут?

Небрежным взмахом руки Зиганшин заставил ее молчать:

— Наш гражданин, Лиза, это такой человек, который ни за что, ни при каких обстоятельствах не вкрутит лампочку в подъезде, потому что не может допустить, чтобы соседи наслаждались светом за его кровные, а домоуправление жирело, экономя казенные лампочки от его щедрот. Он лучше будет передвигаться в кромешной тьме, зато, когда его мамаша, не видя дороги, ломает ногу, а его самого ограбят в темном парадняке, он сразу вспоминает, что есть службы, которые ему должны и обязаны. Тут же «Скорая» вызывается, которая должна мамаше не только ногу вправить, но еще сама ее на носилках тащить, ибо они же врачи! Представители самой гуманной профессии! А менты обязаны немедленно, рискуя жизнью, вора задержать и вернуть пропавшее добро, они же на страже закона, епть!

Призвание у них такое — жизнью рисковать ради всякого мурла! Таким образом, делегировав милосердие медикам, а отвагу — ментам, он чувствует себя совершенным существом, ибо он на нас налоги платит! И бесполезно спрашивать, какие такие налоги он на нас платит, если двадцать лет нигде не работает. Платит, и все!

Лиза поморщилась. В том, что говорил Зиганшин, правды было больше, чем ей хотелось бы признать, странно только, что он избрал своим конфиденнтом именно следователя Федорову. Отношения у них всегда были натянутые, чтобы не сказать плохие.

— Я тут недавно одеяла стирал, — продолжал начкрим, и Лиза удивилась такой резкой смене темы, — поехал в автоматическую прачечную, думал, там все, как в американских фильмах. Заходишь, и стирай себе. Но нет, меня встретила администраторша. Я говорю — как так, вроде все автоматизировано. А потом подумал, у нас иначе-то нельзя. Представь, приходит гражданин в прачечную, там никого нет. Первое, что он сделает, это попытается так изнасиловать машинку, чтобы она постирала без денег, а в идеале еще вернула ему то, что оставили прежние лохи. Если это не выйдет, он запихнет двойную порцию в барабан, чтобы заплатить только за одну стирку. Украдет моющие средства, надо оно ему, не надо, а просто на всякий случай. Ну и напоследок засунет в барабан килограмм гвоздей, чтобы владельцы знали, как с людей деньги драть за такое пустяшное дело, как стирка. Так что без администратора реально никак.

— К чему это вы? Прачечную хотите открыть на склоне лет? — не удержалась Лиза.

— К тому, что люди у нас такие. В том, чтобы самим где разжиться, они ничего плохого не видят,

но стоит у них кому-то что-то стянуть, сразу вопли: караул, спасите мое добро! А какого черта? Есть хорошая очень поговорка: держи свой дом на замке и не говори, что сосед вор.

Лиза поймала себя на том, что сидит, как школьница, потупив глаза и сложив руки на коленях, и покорно слушает эти человеконенавистнические бредни. Оно конечно, работа следователем несколько подрывает веру в то, что человек — венец творения, но есть преступники, а есть добропорядочные люди, которые нуждаются в помощи и защите.

И очень странно, что немногословный Зиганшин тратит на нее свое время и красноречие. Она процессуально самостоятельное лицо и не станет поддаваться его влиянию. Пусть командует своими операми!

— Возьмем твой последний косяк, — начкрим по бабьи подпер челюсть кулачком, и в его каменных глазах вдруг промелькнуло что-то похожее на страдание к бестолковой следовательнице, — явно ж человек потерял не последние деньги. Два миллиона просрал влегкую, кто из нас может себе такое позволить? Ты подумала, откуда у него состояние? Как досталось? Явно ж не от кристальной честности деньги заводятся у людей, и не думаю я что-то, будто он носился по милициям, когда их наживал, и просил наказать самого себя. Обобрал если не нас, так наших родителей, а теперь, когда от богатства ум притупился, и по собственной глупости малую толику из рук упустил, сразу к нам бежит, спасите-помогите! Ибо тоже он на нас налоги платит! Но забывает при этом, что бабки все в офшорах, и платит он от хрена уши. Процентом десять от тех налогов, которые должен бы платить.